

НА ПУТЯХ К АРИСТОКРАТИИ УМА (психолого-политические аспекты научного наследия П. Ф. Каптерева)

Петр Федорович Каптерев

(7/19.07.1849, с. Кленово, Подольского уезда, Московской губернии – 7.09.1922, Воронеж).

В 1868 г. – окончил Вифанскую Духовную Семинарию.

В 1872 г. – окончил Московскую Духовную Академию.

В 1874 г. – защитил магистерскую диссертацию «Светские архиерейские чиновники в Древней Руси».

В 1878 г. – Совет Московской Духовной Академии присудил степень доктора церковной истории. Синод утвердил это решение Совета.

В 1879 по 1884 гг. – экстраординарный профессор богословия в Московской Духовной Академии.

С 1884 по 1888 гг. – профессор философии Санкт-Петербургской Духовной Академии.

С 1889 по 1917 гг. – последний директор Александровского лицея, бывшего Царскосельского (г. Санкт-Петербург).

1906 г. – организатор 1-го Всероссийского съезда по семейному воспитанию.

1911 г. – организатор 1-го Всероссийского съезда по педагогической психологии.

После революции не эмигрировал, остался в России и переехал в Воронеж.

В 1919 г. – основал Учительский институт в Воронеже.

Имя и творчество Петра Федоровича Каптерева большинству наших современников неизвестно. Абсолютная неспособность П. Ф. Каптерева к компромиссам во всем, что касалось его убеждений, неоднократно испытываемая высокопоставленными сановниками мира светского и церковного, привела к тому, что его научное творчество оказалось «невостребованным» – по идеологическим соображениям – не только при его жизни, но и после смерти (за весь советский период вышла – сравнительно небольшим тиражом – всего одна книжка Каптерева)¹. Заклейменные как «чуждые пролеткульту», идеи основателя педагогической психологии, историка педагогики, акмеолога и величайшего дидакта, социально-политического и детского психолога были преданы забвению. Практически никто из исследователей не рассматривал **творческое наследие Каптерева и в контексте политической психологии**, хотя его вклад в эту область психологической науки во многом уникален.

Центральная тема, которая проходит через все творчество Каптерева, – воспитание и образование гражданина. Следуя основополагающим традициям отечественной психологии и педагогики, Каптерев подходит к этой проблеме с естественнонаучных позиций – рассматривая онтологию психического развития человека².

Человек представляет собой, по Каптереву, единое природное и социальное существо. С самого момента рождения столь же родной, как природная среда, стихией для него становится среда социальная. «Собственно, мы не знаем человека как отдельного обособленного существа, – пишет Каптерев, – а мы знаем его только как члена общества. Поэтому общественная среда есть духовный воздух, без которого, как и без обыкновенного воздуха, человек дышать, т. е. суще-

ствовать, не может... То, что мы называем разумом человека, его сердцем, его волей, есть плод не индивидуального, а общественного развития; в нас, быть может, 4/5 общественных элементов и лишь 1/5 – чисто личного начала»³.

«Вторая природа» человека являет себя в языке, религии и порядках семейной, общественной, государственной жизни, культуре, исторических преданиях и национальных идеалах. Именно эти факторы влияют на особенности национального менталитета и направленность развития как этноса в целом, так и каждого отдельного гражданина.

Заслуга проведения **первого системного психологического анализа воздействия факторов внешней среды на воспитание и образование гражданина** принадлежит именно П. Ф. Каптереву⁴. Рассмотрим более подробно, в чем же, на взгляд Каптерева, кроется воспитательный потенциал каждого из этих факторов.

Первый фактор – это народный язык, отражающий запас «психической опытности» этноса. Язык является «сокровищницей наблюдений, дум, знаний», творчества, в которую народ «в течение веков складывал свое духовное богатство, свои духовные изобретения и которую он представляет для пользования новым поколением»⁵. А потому «каков народ, таков и язык»⁵.

«Склад души народа» и его «миропонимание и жизнепонимание» представлены в этимологии и синтаксисе народного языка. **Этимология отражает «по преимуществу материальные особенности народной мысли: на какие предметы она была обращена, на какие стороны и оттенки предметов»**⁶. В языке найдется относительно много наименований для одних предметов и относительно мало – для других. В той катего-

³ Каптерев П. Ф. Избранные педагогические сочинения. М.: Педагогика, 1982, с. 232.

⁴ Предтечей такого анализа, безусловно, следует считать К. Д. Ушинского.

⁵ Каптерев П. Ф. Избранные педагогические сочинения. М.: Педагогика, 1982, с. 224.

⁶ Там же, с. 469.

¹ Каптерев П. Ф. Избранные педагогические сочинения. М.: Педагогика, 1982.

² Данный факт кажется нам особенно примечательным в свете того, что П. Ф. Каптерев окончил Московскую духовную академию и был доктором богословия.

рии слов, которая является преобладающей в конкретном языке, «выражают себя народный ум, занятия и промыслы народа, его главнейшие склонности. Народ с преобладанием в своей духовной деятельности фантазии и народ с господством над всем практического смысла и трезвого рассудка будут иметь и в своем словаре соответствующие особенности»⁷.

Именно язык является главным индикатором ценностных ориентаций и идеалов народа. Наиболее явно они выражены в литературе, представляющей «рельефнейшим выражением души народа».

Этимологические характеристики языка неразрывно связаны с синтаксическими. **Синтаксис** (грамматический строй языка) **отображает «по преимуществу формальные свойства мыслительности»**, особенности, логику и приемы мышления. В одних языках «отдельные слова суть и предложения, в которых мысль является как будто не чем-то последовательным, а одновременным, в других языках мысль не укладывается в коренное значение слова и его различные приставки, но требует последовательного раскрытия в ряде слов. Это последовательное раскрытие мысли в иных языках бывает ясным, легким, коротким, а в других запутанным, тяжелым, длинным, сообразно народному мышлению»⁸.

Сложно переоценить роль языка – этого первого, незаменимого и искуснейшего из учителей и воспитателей гражданина – в жизни этноса.

Язык – это психологический исток, дающий жизнь народности. Воспроизведение языка воспроизводит народность, национальность, которые при всей своей неизбежной ограниченности представляют собой значительную силу для всестороннего развития, жизни и деятельности народа. И каждый народ ищет и находит в науке, искусстве, религии такие стороны, которых не замечает другой народ. Стоит уничтожить эту «ограниченность национального мышления и чувствования, и жизнь делается однообразнее, вялее, монотоннее. Национальности лишь вместе взятые дают полноту и жизни, и науке, и искусству, и религии»⁹. И как актуально звучат эти слова в наше время тотальной унификации, которая навязывается нам глобалистами.

Поэтому так важен психологический анализ национальных особенностей. Особенно интересным представляется проведенный П. Ф. Каптеревым этнопсихологический **анализ русских национальных идеалов**. Русская народная героика выражается, по Каптереву, в трех основных типах.

Первый тип – «святые подвижники», люди, победившие соблазны и прелести мира и всецело отдавшиеся служению Богу и духовно-нравственному руководству людьми. Это герои-общественники высшего порядка, духовные вожди и руководители, воплотившие в себе «наиболее драгоценные черты человеческой природы».

Второй тип – это «лица, сослужившие государству крупную службу, соединенную с личным самопожертвованием». Типичные образы – Иван Сусанин, купец Иголкин. Этот ряд героев выражает идеалы государственного и гражданского самопожертвования и образцовой общественно-государственной службы.

Наконец, **третий тип – это «невинные страдальцы и разные несчастенькие, вплоть до блаженных, не по своей вине незадачливые люди, про которых говорится**

*в народной поговорке, что бог правду видит, да не скоро скажет»*¹⁰. Это выражение народных идеалов стойкости в несчастьях, сохранения подъема и силы духа среди самых бедственных внешних обстоятельств.

Такой сонм архетипических национальных образов, на взгляд П. Ф. Каптерева, свидетельствует о высочайшей силе духа русского этноса и внушает оптимизм по отношению к его будущему.

Особое внимание в сравнительном этнопсихологическом анализе уделяет П. Ф. Каптерев феномену русского правосознания, отличительной чертой которого является крайне слабое развитие сознания законности. «Руководительного значения» в своей жизни русский человек законам не придает. Он воспринимает их как «нечто внешнее и весьма несовершенное, отягченное массой формальностей и бумажного производства, ... часто весьма непригодное в жизни и несправедливое. ... **Многовековым тяжелым опытом русский народ убедился, что законы не ограждают его личности и интересов от насилия сильных и хитрых, что с массой законов в руках его грабят и утесняют на законных будто бы основаниях, что законы часто пишутся не в общенародных, а в классовых интересах помещиков, дворян, чиновников, купцов»**¹¹. И поскольку гражданский закон всегда можно обойти и «растолковать и искривить и вкось», то единственную направляющую нить русский видит в законе божественном, совести, «*требованиях и голосе своей души*». Поэтому, в то время как другие этносы «*живут по закону*», единственную юридическую **ценность для русского народа представляет «жизнь по справедливости»**.

Второй закладывающий направленность воспитания и образования гражданина компонент общественной среды – это религия. Религия, по П. Ф. Каптереву, предписывает «людские настроения и обязанности», задает «устройство» всей человеческой жизни и выражает идеальные стремления народа. «*В ней народ отвлекается от своих будничных дел и возносится в идеальный мир*»¹². Главная **функция религии состоит в задании нравственных ориентиров** в трех основных плоскостях: как жить, как относиться к людям и в чем предназначение человеческого существования. «*К сожалению, – пишет П. Ф. Каптерев, – в большинстве религий на практике этот существенный нравственный элемент отходит на второй и даже на третий план, а выдающееся значение получает обыкновенно культ, церемониальная, обрядовая сторона*»¹³.

Религия, по Каптереву, существует в двух основных формах: как явление личное и как явление общественное. Как **явление личное** она представляет из себя «*умозрительные и догматические построения о происхождении природы и человека*». Как **явление общественное** – «*ряд учений об отношениях людей друг к другу под руководством небесного отца*»¹⁴. Если в первой своей форме религия разъединяет («*в личной религии бог обычно представляется разн*»), то во второй – объединяет. Безусловно, для социально-политической психологии религия интересна, прежде всего, как социальное явление, и именно через эту призму Каптерев предлагает оценивать ее **воспитательный**

7 Там же, с. 224.

8 Там же, с. 225.

9 Там же, с. 193.

10 Там же, с. 210.

11 Там же, с. 218.

12 Там же, с. 226.

13 Там же, с. 227.

14 Там же, с. 230.

потенциал по трем основным критериям.

Первый – «*ее отношение к разуму*». В соответствии с этим критерием, все религии можно расположить на оси, полюсами которой являются «*свобода для ума... и догматизм, стеснение, требование строгого духовного повиновения*»¹⁵. На полюсе, где «*выше всего ставится твердая вера в установленные догматы ... исправленное вероучение в каком-либо пункте*» расценивается как величайшее заблуждение и преступление. Здесь предполагается, что «*в священных книгах все вопросы разрешены и все нужное для человека сказано*». А посему, больше исследовать нечего и незачем, так как в результате исследования может получиться только ересь. Всякая свободная, независимая попытка исследования признается «*неразумным высокомерием, дерзновением против бога, колебанием весьма почтенных и давних авторитетов, неверием. Соответственно с такими взглядами и поступают со свободномыслящими людьми: к ним относятся как к преступникам*»¹⁶.

Второй критерий – «*общий тон*», эмоциональный настрой, который задается религией. Здесь «*полюсами*» являются религии, проповедующие, с одной стороны, «*радость и любовь для сердца*», с другой – суровость. Первые Каптерев называет религиями «*светлыми, радостными, гуманными, бодрящими*». Их исповедники призывают к бодрому труду и наслаждению жизнью. Человеческая жизнь и личность в них ценятся высоко. Противоположный полюс являют религии «*мрачные, суровые, жестокие, подавляющие*». Человек в них объявляется «*червяком*», жизнь – «*временем испытаний и плача*», а «*пренебрежение к земле и всем ее благам и устремление ума и сердца в загробный мир*» – высшей задачей.

Наконец, **третий критерий** – это отношение религии к представителям других вероисповеданий. И здесь Каптерев разделяет религии, призывающие к любви и уважению ближнего и признающие «*ближними*» людей любого рода, исповедания и племени, и религии, строго регламентирующие должную степень «*близости*» и замыкающие ее исключительно на единоверцах. Религии, относящиеся к последней категории, «*часто приходят к печальному и пагубному убеждению, что можно людей, особенно иноверных, не любить, даже ненавидеть, вредить им, истреблять их; но если при этом будешь тщательно исполнять религиозные обряды и установленные церемонии, если будешь твердо веровать, как и во что предписано, то все будет прекрасно: спасешься, окажешься угодным богу*»¹⁷.

Воздействие религии на народ изначально не является однонаправленным. Все вышеперечисленные особенности религий оказываются различиями «*народного характера, склада народного ума, народной души и степени ее культурности*». А последние, в свою очередь, решительно видоизменяют содержание религии. Потому разные народы, исповедующие по названию одну и ту же религию, на самом деле исповедуют разные. «*Христианская религия итальянцев, немцев, англичан и русских далеко не одна и та же религия, хотя, конечно, и имеет много сходного, как есть немало сходства между названными народами, их историей и культурой. Точно так же христианство различных*

веков было не одной и той же религией»¹⁸.

Таким образом, нельзя не признать, что роль религии в формировании гражданина огромна. «*Совсем не безразлично для формирования детской психики, что таит в себе народная религия: свободу для ума, радость и любовь для сердца, глубокие внутренние возбуждения и высоко идеальные призывы или стеснение, суровость, требования строгого духовного повиновения, соединенные с пышными церковными церемониями*».

Сам факт беспристрастного психологического анализа П. Ф. Каптеревым религий, произведенный «по ту сторону» догматики, во многом революционен. Не случайно, что он вызвал столь бурный протест служителей клира. Но, однажды выбрав служение единственному богу научной истины, П. Ф. Каптерев не мог не сделать и эту сакральную область предметом объективного психолого-политического исследования. И в этом, безусловно, – великий гражданский подвиг ученого.

Третий фактор, закладывающий фундамент воспитания и образования гражданина, – это «*порядок семейной, общественной и государственной жизни*». Характер институтов семьи, общества и государства имеет критическое значение для формирования нормативного образа гражданственности. Каптерев рассматривает в этой связи следующие три дихотомии.

1. Институты, требующие «*свободы и самостоятельности граждан, их предприимчивости и почина*», и институты, в которых цели жизнедеятельности задаются извне, а от граждан ожидается лишь беспрекословное послушание. В последних граждане «*лишены серьезного влияния на ход дел в родной стране*», им «*представлено уплачивать безнедоимочно подати, отбывать военную службу и повиноваться установленным властям*».

2. Институты, воспитывающие открытые, независимые и твердые характеры, и институты, воспитывающие дух угодливости, лести и отречения от своей воли. Вторые порождают, по Каптереву, «*общества, nascквозь пропитанные холопством и стремлением угождать, в которых, кажется, навсегда потеряна самостоятельность действий, и где свободомыслящему человеку трудно дышать*»¹⁹.

3. Институты, формирующие глубокий интерес к вопросам духовной и общественной жизни, и институты, результатом влияния которых оказывается лишь поверхностный интерес к таковому.

Социализация направляет развитие каждой отдельной личности по эталонам, устанавливаемым этими институтами, допуская весьма малочисленные отклонения от них, поскольку «*...новшества в семейном, общественном и государственном строе и быте ... не особенно поощряются, и нововводителям часто приходится плохо*». Старшее поколение «*срослось с формами быта, с известным семейным, общественным и государственным укладом жизни, – пишет Каптерев, – и плохо представляет возможность иного строя всех жизненных распорядков. Естественно, что оно бессознательно, ненамеренно, но совершенно неизбежно и с страшной силой давит на формирование подрастающих поколений в известном направлении, т. е. в духе народности, народного типа*»²⁰.

Совершенно особая роль среди перечисленных институтов отводится Каптеревым институтам государ-

¹⁵ Там же, с. 225.

¹⁶ Там же, с. 227.

¹⁷ Там же, с. 226.

¹⁸ Там же, с. 227.

¹⁹ Там же, с. 230.

²⁰ Там же, с. 232.

ственным и общественным. Примечателен уже сам критерий их разграничения. Если «государственные связи» между людьми (государственные институты) регламентируют по преимуществу поведение и поступки граждан, то «связи» (институты) собственно общественные регламентируют сознание. «Внутреннего человека, глубины его ума и сердца государственные связи касаются мало... Совесть человека, его убеждения и идеалы, его святая святых остаются недоступными влиянию государства, и человек по этой внутренней стороне своего существа всегда свободен от всяких государственных пут и связей, вполне независим и неприкосновенен. Можно заставить человека платить подати и служить в солдатах, когда он этого не желает, даже можно заставить "устаами" верить в бога, призываемого государством; но заставить верить в разумность таких действий, если нет убеждений в справедливости их, невозможно... Физическое насилие не включает в себе ни малейшего элемента убеждения»²¹.

«Связи» (институты) государственные являются лишь внешней формой общественности, «связи» (институты) общественные – ее содержанием. Если первые – это связи по большей части принудительные («поддерживаемые полицией, войсками, уголовными карами и всякого рода взысканиями»), то вторые – исключительно добровольные, зависящие от вкуса и настроения каждого. Они преследуют научные, религиозные, литературные, художественные и другие интересы и оформляются в виде союзов, обществ, собраний²².

Именно в этих союзах, обществах, собраниях, на взгляд П. Ф. Каптерева, лежит источник народной жизни и творчества, источник зарождения великих проектов и мыслей и источник «руководительных начал деятельности представителей государственной власти... Где впервые возникли и разрабатывались идеи об уничтожении рабства, крепостничества, пыток, телесных наказаний, о свободе совести и о веротерпимости, о свободе печати, о необходимости суда присяжных, народного представительства и т. д.? Кому принадлежат научные открытия и изобретения, осчастливившие мир, даже самое изобретение пороха и пушек? Все это творчество – дело общества, отдельных частных лиц, а не государства; последнее нередко всеми силами противилось ему, подавляло его, видя в новых идеях и общественных движениях потрясение государственных основ, авторитета, ниспровержение установ-

ленного порядка, возмущение и т. п.»²³.

Свою природную консервативность, проявляющуюся в склонностях «руководствоваться во всем бывшими примерами, застыть в известных формах и порядках, слишком сживаясь с ними», государство склонно переносить и на педагогический процесс. Плачевным результатом такого переноса оказывается пренебрежение в учебном деле «научной педагогией» и отрыв его «тех живых сил, которые хранятся в обществе». Ставя себя во главу педагогического процесса и лишая учителей всякой самостоятельности в учебном деле, государство способствует тому, что в учителя все реже идут самостоятельные и способные люди и учительский персонал все более пополняется «посредственностями нашей интеллигенции». А неизбежным плодом такого подхода к образованию является то, что учебный процесс «вянет и нередко приводит к результатам – в отношении к образованию учащихся – таким, как если бы учебные заведения содержались государством не для просвещения, а для потемнения молодого поколения»²⁴.

«Важно помнить, – подчеркивает Каптерев, – что творческий потенциал государственности ограничен административно-исполнительными рамками и внемлет лишь идола практической пользы... Государство есть практик и администратор, и движение вперед, в смысле идейном и теоретическом, его мало заботит». Однако, занимая такую позицию в образовательной политике, государство обрекает себя, ибо вне «общественной работы и мысли», его консервативность вырождается в застой.

В историческом пространстве и времени государственные и общественные институты сосуществуют в состоянии перманентного аукциона за воспитание и образование молодых поколений. «Государство, как наиболее могучее из общественных учреждений, ... стремится подчинить себе педагогический процесс, сделать его орудием в своих руках. Вследствие этого наши школы и все воспитание носят политический характер: они формируются не сообразно своим собственным потребностям, а согласно изменяющимся политическим видам государства»²⁵. Особенность положения первого игрока, отягченного властной волей замешанной на узаконенном насилии, привносит в государственные воспитательные идеалы дисциплину и послушание, необходимость повинования, единообразие порядка во всем, приверженность существующему устройству («политическая благонадежность как преданность существующему порядку, соединенная с отсутствием его критики»²⁶). Эти государственные воспитательные идеалы могут и сегодня отторгаться или восторженно приниматься в зависимости от психологических ориентаций отдельного человека или конкретной социальной группы. Но именно аристократизм каптеревского ума позволил Петру Федоровичу задолго до рождения политической психологии в России четко обозначить важнейшие факторы, определяющие формирование гражданина.

А. В. Забарин,
руководитель лаборатории психофизиологии
Санкт-Петербургской Акмеологической академии.

²¹ Там же, с. 233.

²² Во возвращении и культивировании этих общественных связей, отношений, интересов Каптерев видел главное воспитательное предназначение школы: «Общественность, совместная работа, взаимное обучение и влияние учащихся, проявления хладнокровия, сообразительности, мужества – вот что главное в школе, что нужно воспитывать и организовывать, учение же есть только средство, орудие для развития общественности. Между тем эту второстепенную вещь ставят на первый план и таким образом извращают всю сущность школы. Для серьезных теоретических научных занятий общество не нужно, для этого удобнее одиночество, обособленность. Если бы в школах действительно учение было главным делом, то учащихся следовало бы рассаживать по отдельным комнаткам или кельям и учить отдельно, применительно к их личным умственным способностям и познаниям. Как же скоро дети собираются вместе и учатся вместе, то суть дела здесь заключается, очевидно, в общественности, а не в учении, которое есть только средство для проявления общественности». Там же, с. 251.

²³ Там же, с. 234.

²⁴ Там же, с. 431.

²⁵ Там же, с. 208-209.

²⁶ Там же, с. 440.